

ПЕТР СЕМЕНОВИЧ ГАРДЫЙ.
(1897, с. Юрковцы, Лемковина - 1989, Трамбл, США).

В 15 лет Петр Гардый уехал в США. Это был судьбоносный шаг не только для него, но и для нас, живущих сегодня. Расскажем коротко об этом редком человеке.

Родился Петр 7 июня 1897 года в бедной крестьянской семье в лемковском селе Юрковцы, Австро-Венгрия. (Лемки - одно из русских племен, издавна проживавшие в горных районах на границе современных Польши и Словакии). В конце 19-го столетия из-за тяжелых материальных условий русские жители стали массово покидать империю, уезжая в далекую Америку на заработки. В 15 лет Петр считался уже практически взрослым: он закончил местную школу и вполне мог работать. Но где? На семейном совете решили: Америка - многие уехали туда и присылали деньги своим оставшимся бедным родичам, и Петр обязательно устроится, как и все уехавшие...

Нам пока неизвестно, как прошли первые годы жизни юного лемка в обетованном крае, но богатым и знаменитым он стал...

Однажды Петр Семенович Гардый посетил своих земляков в маленьком американском городишке Монро (штат Нью-Йорк), где они проводили собрание в Лемко-парке, принадлежащим лемковской общине. Во время своего выступления он прервался на минуту, поднял голову и, указав на пролетающий самолет, сказал: "На этом самолете алюминиевые детали с моего завода." Собрание захлопало. Долго не могли остановиться: наш... лемко...

Русский миллионер, выходец из бедной крестьянской лемковской семьи, владелец алюминиевого завода в городе Бриджпорт Петр Семенович Гардый пользовался среди земляков несомненным уважением и почитанием за свою непрекращавшуюся деятельность на пользу обездоленного и поруганного лемковского племени. В 1947 г. после Второй мировой он создал Общество помощи лемкам, пострадавшим во время войны и во время проведения польско-советской операции "Висла" (1946-47 гг.), когда лемков насильно согнали с их земель, отбирали дома, скот и нажитое добро. Некоторые лемки добровольно-принудительно были переселены в Советский Союз, кто-то в Польшу, кто уехал за океан. Лемковина опустела, лемковские корни вырваны, разбитые жизни и судьбы по всему краю, лемки исчезли как и не были, туда пришли новые жильцы в готовые дома: так решила уже не австрийская власть, а иная - не менее истребительная...

Ходатайства Председателя Общества помощи лемкам Петра Гардого в 1957 г. не имели особого успеха ни в Вашингтоне, ни в Варшаве, ни в Москве... И все же через несколько лет (в конце 60-х) именно ему и Обществу помощи удалось добиться от польских властей разрешения для желающих лемков вернуться на свои исконные родные земли, оказавшиеся теперь в Польше. Вернулось около 35 тысяч. Лемковина ожила после фатального кровопускания...

Отметим и еще один очень важный момент. Петр Семенович неоднократно посещал свое родное село Юрковцы и другие места Лемковины, на свои средства восстановил несколько церквей в крае, а в Пряшевщине также на свои средства привел в порядок могилы выдающихся карпатороссов: общественного деятеля

МИЛЛИОНЕР-МЕЦЕНАТ

А.Добрянского-Сачурова и карпаторосских поэтов: Ю.Ставровского-Попрадова и А.Павловича.

Невозможно переоценить благотворную деятельность мецената Петра Семеновича Гардого и еще в одной области - литературной. На его средства обрели новую жизнь забытые бесценные произведения, давно ставшие библиографической редкостью. Во всех его переизданиях значилось: "Эта книга издана на средства П.С.Гардого. Весь тираж ее издатель представляет в распоряжение Карпаторосского Литературного Общества в США".

В 1964 году вышла книга о страшной трагедии карпаторосского народа 1914-1917 гг. Это было переиздание "Талергофских Альманахов" об этноциде русского населения Австро-Венгрии: Галичины, Буковины и Закарпатья.

Книгу об этноциде русских подданных Австро-Венгрии Петр Семенович Гардый назвал "Военные преступления Габсбургской монархии 1914-1917 гг.", поместив в этом издании новые материалы и написав Предисловие. Он также написал Предисловия к другим изданным им книгам разных авторов о Карпатской Руси. Вот эти издания, теперь тоже ставшие библиографической редкостью.

1. "Военные преступления Габсбургской монархии 1914-1917 гг." - 1964 г., 2. Василий Кельсиев "Галичина и Молдавия" - 1968 г., 3. Филипп Свистун "Прикарпатская Русь под владением Австрии" - 1970 г., 4. Елизавета де Витте "Буковина и Галичина" - 1977 г., 5. Проф. Федор Аристов "Карпато-русские писатели", т.1 - 1977 г.

(Именно с изданий Петра Гардого были переизданы в 2014 г. произведения проф. Ф. Аристова, Е. де Витте и В.Кельсиева).

В 1958 г. Петр Семенович издал свое собственное небольшое повествование "Мое путешествие на Лемковину", где он описывает поездку на Родину после нескольких десятилетий жизни в США. Он также описывает свои нелегкие хлопоты в различных министерствах Польши и СССР с целью добиться разрешения властей на возвращение американских лемков на свою отобранную этими же властями Родину - Лемковину...

Неизмерима наша благодарность и поклон русско-американскому меценату Петру Семеновичу Гардому, радевшему о земле русской от Карпат до Камчатки...

Наталья ГАТТАС

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ "ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ 1914-1917 гг."

В 50-ю годовщину австро-венгерского террора изуверств и насилий над мирным населением Галичины, Буковины и Карпатской Руси в 1914-1917 гг. издается эта книга-документ.

Она является переизданием 4-х выпусков "Талергофского Альма-

наха", изданных в период с 1924 по 1934 г. Центральным Талергофским Комитетом во Львове.

Посвящается памяти отца моей жены Ивана Семеновича Пилипова, уроженца села Заболотовцы (Галичина), томившегося 3 года в концлагере "Талергоф"; о. Олимпия Полянского, настоятеля прихода в с.Юрковцах, Сяноцкого уезда, томившегося и погибшего в Талергофе; и всем убитым, замученным и пострадавшим от австро-венгерского террора во время Первой Мировой Войны 1914-1917 гг.

Петр Семенович Гардый

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Собранные в этой книге материалы, документы и показания свидетелей являются веским обвинительным актом в отношении бывших государственных руководителей, политиков и военачальников Австро-Венгрии периода 1-ой Мировой Войны, как и непосредственных преступников - офицеров, солдат и жандармов. Военные преступники никогда и никем не были судимые. Над виновниками и вдохновителями преступлений никто не состоялся суд наподобие Международного Суда в Нюрнберге после II-й Мировой Войны. Следовательно об этих преступлениях общественность мира почти ничего не знает.

Ознакомившись с содержанием этой книги, приходим к выводу, что за 25 лет до гитлеровских преступлений совершались подобные преступления австро-венгерской администрацией, военщиной и жандармами. Злодеяния совершались над мирным населением края, бывшего в то время составной частью Австро-Венгрии. Совершались эти преступления в отношении только той части населения, которая называла себя Русинами, Руснаками или Русскими и являлась автохтонным населением родной земли!

Пусть эта книга, посвященная памяти десятков тысяч убитых и замученных неповинных людей, разъяснит многим, что предшественником Освенцима (Аушвица), Дахау, Трелинки и сотен лагерей смерти в гитлеровской Германии были концентрационные лагеря Талергоф, Терезин и другие в монархии Габсбургов под владычеством Франца-Иосифа I-го.

Пусть эта книга разъяснит многим, что систематическим, усовершенствованным методом убийства в гитлеровских концлагерях предшествовали хаотические зверские расправы по селам и городам б.Габсбургской монархии.

Пусть эта книга напомнит о том, что было время, когда сыновья были брошены на фронт воевать и защищать престол монарха тогда, как над их родителями и родными совершалось насилие и убийства в имени того же монарха.

Германский лозунг "Дранг нах Остен" толкнул австро-венгерскую власть на войну и преступления в 1914 г., в результате чего одного только мирного населения было уничтожено около 60 тысяч человек: стариков и юношей, мужчин и женщин. Кроме того, в концлагерях томилась десятки тысяч неповинных людей. Через один только злопамятный лагерь Талергоф прошло около 30 тысяч человек: крестьян, интеллигентов и священников. Число последних достигло до 800. Тысячи заключенных погибли от голода, заразных болезней и побоев.

Через 25 лет Гитлеру и Ко потребовался "лебенсraum" и "Тысячелетняя Велико-Германия", в имя которой уничтожено около 30 миллионов мирного населения Европы.

Корень величайших преступлений гитлеровской Германии берет свое начало в преступлениях габсбургской монархии Франца-Иосифа I-го!

Петр Семенович Гардый

(Предисловие П.Гардого к его переизданию книги В.Кельсиева "Галичина и Молдавия" с незначительными сокращениями).

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Мысль об переиздании этой редкой книги возникла не потому только, что в этом году исполняется сто лет со дня выхода ее в свет, но и потому, что предмет, которому она посвящена, является и сейчас для всякого сознательного русского человека одним из самых волнующих. Кто когда-нибудь интересовался многострадальной историей Карпатской и Прикарпатской Руси, тому известна вавилонская башня лжи и фальсификации, созданная ее врагами. Самая вопиющая из этих фальсификаций имеет целью скрыть и вовсе отрицать русскую природу и русские устремления карпатского и галицкого народов.

Преступное невежество и равнодушие русского общества были причиной того, что пятисотлетнее тяготение галичан и карпатороссов к России, к русской культуре не было замечено в России. Так называемая "прогрессивная" русская интеллигенция сделала все, от нее зависящее, чтобы оттолкнуть галичан и объявить их русофильство "реакционным". В полном согласии с польско-австрийской пропагандой русские радикалы объясняли это русофильство подкупом со стороны царского правительства. Они определили галичанам место в сфабрикованном австро-поляками панукраинстве и не именовали их иначе, как украинцами. Беспощадное, поистине гитлеровское истребление галичан в 1914-15 гг. не вызвало с их стороны и малой доли того участия и сострадания, которое проявлено было к бельгийцам, например...

Переизданием в 1964 г. "Талергофского Альманаха", выпущенного впервые в 1924 г. во Львове, мы сделали первую попытку ознакомления русского зарубежья с одним из трагических эпизодов из истории нашего народа. Когда кончится современное политическое мракобесие и начнется объективное изучение истории, "Талергофский Альманах" сыграет роль важного историчника в этом изучении.

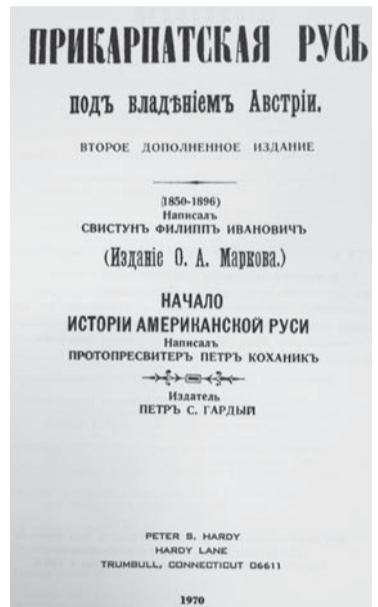
Теперь мы переиздаем другой забытый источник - путевые письма В.И.Кельсиева. Это имя, почти забытое, и забыто, конечно, не случайно. Радикальная интеллигенция не могла простить ему "измены" революционному движению... В 1862 г. он едет в Турцию, а в 1865-66 гг. совершает свое путешествие по Галиции и Буковине, описанное в настоящей книге. Первоначально это была не книга, а ряд статей (писем), печатавшихся в петербургской газете "Голос". Упомянуть об этом факте сейчас тоже не лишне. Кто из теперешних эмигрантов имеет возможность хоть слово напечатать в СССР? А вот эмигрант Кельсиев мог при "проклятом царизме" состоять корреспондентом одной из петербургских газет и посылать из-за границы материал для нее. Из текста книги читатель узнает, что политический эмигрант и революционер Кельсиев был выслан из Галиции как агент царского правительства. Галицийскую власть пугала не его революционность, а русское происхождение и интерес к русинскому населению Галиции, которое зорко оберегалось от московского глаза. Сам же Кельсиев больше всего боялся быть высланным в Россию, где ему грозила тюрьма, и был очень доволен, попав в Молдавию. Только в 1867 г. он сдался русским властям, изложив причины своего разочарования в революционном движении и, отбыв тюремное заключение, получил возможность жить в Петербурге.

Трудно таким образом заподозрить его в пристрастном "московфильском" описании всего, что он видел в Галиции. Перед нами объективная картина тамошней действительности сто лет тому назад - чрезвычайно ценный документ для историка. Жалкое положение

галицкого духовенства, единственно культурного слоя в крае, его материальная нужда, его постоянная ущемленность со стороны ксендзов и католиков; планомерная политика латинизации православного обряда, проводимая поляками и австрийцами; преследование русского слова, доведенное до такой степени, что галицкие интеллигенты стыдились в обществе своего языка - все это глубокие раны на духовном теле народа, страдавшего несколько веков. Но книга Кельсиева любопытна еще тем, что сравнивая его показания с нынешним положением, видим живучесть многих болезней, от которых страдал наш край. Изживание их возможно только путем изучения его прошлого

(К книге Ф.Свистуна "Прикарпатская Русь под владением Австрии")

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Ни одна из историй, посвященных жизни карпаторосского сельского люда, на мой взгляд, не освещает с необходимой полнотой его социальной жизни и духовных интересов. В одну из моих поездок в Прагу издатель А.Винничук познакомил меня со вторым томом истории Ф.И.Свистуна "Прикарпатская Русь под владением Австрии". Эта книга дала ответ на все интересовавшие меня вопросы. Но достать первого тома я нигде не мог. Мои поиски в течение ряда лет оставались безрезультатными. Помог мне Др. Владимир Ю. Яворский, сын нашего крупнейшего филолога. Он любезно предложил мне воспользоваться для повторного издания истории Свистуна полным экземпляром, имеющимся в библиотеке его отца. Я с радостью воспользовался этим предложением.

Книга Ф.И.Свистуна изобилует точными фактами из жизни и борьбы русского населения Карпат за его национальные права и гражданскую независимость. Всякому русскому уроженцу карпатских областей, проживающему за границей, как и его потомкам, дорога повесть о наших общественных деятелях - этих борцах за народные права и национальную свободу. В этом отношении собранный историком Ф.И.Свистуном материал знакомит нас, представителем Американской Руси, с методами борьбы наших предков в рамках польской, венгерской и австрийской государственности, за воссоединение с матерью Русью - Россией. Национальная борьба укрепила дух нашего народа. Писатели Прикарпатской Руси, развивая наше ДУХОВНОЕ БЫТИЕ, всегда заботились о будущем своего народа. И их литературная и общественная деятельность обеспечила нам НАЦИОНАЛЬНОЕ БЕЗСМЕРТИЕ. Дух и смысл их работы - это залог вечного единения нас со всем остальным русским народом. Этого духовного наследия никто и ничто в мире не сможет отнять у нас.

Вот почему мы считаем, что нашим долгом является не только хранить и приумножать национальное богатство, но и осведомлять мир с тем тернистым путем, которым прошел наш народ и о котором рассказано историком в этой книге. Ныне эта

замечательная книга стала библиографической редкостью, и было бы величайшим национальным преступлением, если бы эта книга бесследно исчезла. Повесть о делах праотцев - основа будущего потомства. Без зафиксированного исторического прошлого мы бы легко растворились в чужом этническом море и превратились бы в народ без имени. Вот почему мы и переиздаем историю Ф.И.Свистуна.

Петр С. Гардый

МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛЕМКОВЩИНУ (отрывок)

МОЯ ПОДОРОЖЬ НА ЛЕМКОВЩИНУ
 ПЕТРО С. ГАРДЫЙ
 И
 КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЛЕМКОВСКОГО РЕЛИФИВНОГО КОМИТЕТА В США
 ИЗДАНИЕ ЛЕМКО-СОЮЗА ЮНЬЕРС, Н. Й. — 1958.
 LEMKO ASSOCIATION
 556 Yonkers Avenue Yonkers, N. Y.

ДОРОГА ДО РОДНОГО СЕЛА

Мы поехали в село. Дорога была забита сельскими возами, ехавшими на ярмарку в город. По возам, лошадям и людям видна была невыносимая нищета. Возы низкого качества, лошади маленькие. Я не видел никого, кто бы ехал двумя лошадьми, как это часто бывало в прошлом. Люди бедно одеты, не так, как в мое время, когда хлопцы и девчата, хозяйева с женами одевались нарядно в красивые народные одежды и стремились показать друг другу свой достаток и ухоженных лошадей, крепкие возы и богатство своих продуктов. Теперь на лица бедных людей был виден страх и нужда. Бедность гнула их к земле.

Первым мы посетили нашего доктора. Когда мы вошли в приемную, там уже сидели больные, приехавшие из разных мест. Мы решили подождать и пропустить всех больных, так как хотели с ним подольше поговорить. А за то время я завел разговоры с пациентами: откуда они и как поживают в своих селах. Из разговоров я понял, что это были наши лемки, которые каким-то чудом остались в селе. Один рассказал нам, что в его слободку вернулось 28 человек из Шлесска. Сельский урядник не пускает их в свои хаты, которые якобы заняты. Но это неправда. Хаты стоят пустые. Одна семья с четырьмя детьми живет в конюшне рядом с хатой. Другие обретаются где то может, где можно найти укрытие. Но наступает зима, и я не знаю, что люди будут делать. Кричат тут на них, что не хотят никаких украинских бандитов. Сказали нам, что в село Команча вернулась одна семья, но их не пустили в родную хату. 30 жителей запротестовали, заявив, что если эта семья останется тут жить, то они покинут свои хозяйства и никто не ручается, что с этими хозяйствами станет. В Санчики вернулись 2 семьи, но их тоже не пустили в свои хаты. Многие вернулись и в другие наши села. Где-то их приняли, где-то - нет. Те, кого не пускают, страшно бедствуют, дети умирают с голода. Живут в обстановке, которую невозможно описать словами, чтобы в достаточной мере понятно объяснить те условия жизни.

Когда до нас дошла очередь зайти в кабинет, мы попрощались с тем молодым человеком, поблагодарили его за откровенную беседу с нами. Прощаясь с нами, он сказал, что был очень рад, ибо в первый раз за 10 лет смог свободно говорить. По-своему здесь говорят только тихо, открыто он говорил с нами в первый раз.

В кабинете доктор узнал отца Полянского и был очень рад его видеть... Мы поговорили достаточно долго, но спешили, ибо не хотели заставлять

других больных ждать приема. Оттуда мы поехали к нашему старенькому священнику: о. Иосиф Секержинский также ожидал нас и был очень рад, что мы навестили его, такого уже старенького 88-летнего. Но чувствовал себя бодрим, в доброй памяти и активным. Каждый день ходит в больницу, где в часовне служит молебны за больных. Сначала на эти молебны приходило много наших людей, но потом больница запретила им приходить. Пускают теперь только по двое. Он попытался открыть русскую церковь, но ему отказали. Сказали, что откроют, но все доходы будет забирать римско-католическая церковь. На это он ответил, что уже очень стар работать на них.

Я оставил о. Полянского с о. Иосифом, а сам отправился искать свою родню, что остались жить здесь в окрестности. По дороге я встретил старенького человека, который жил здесь смолоду и имел свою столярную мастерскую. У него работало много людей, и он славился своими изделиями на всю округу. Он хорошо знал моего отца и братьев, слышал, что я приехал в Санок. Не думал, что встретит меня на дороге. Мы побеседовали с ним о минувшем.

Сказал мне старик: «До Первой мировой войны лучшими ремесленниками были наши люди - столяры, кузнецы, слесари, портные, резчики, строители, печники, колесные мастера, мясники и пекари. Были и другие мастера, но они не шли ни в какое сравнение с мастерами-лемками, которые славились своим профессионализмом на всю Галичину. Во время Первой мировой войны их всех угнали в Талергоф, откуда многие не вернулись, а те, что вернулись, то уже не были настолько здоровы и вскоре попрощались с этим миром...»

По дороге до родного села я вернулся к своей землячке и двоюродной сестре, которая увидев меня, своим радостным криком напугала всех сельских кур. Сестру послали за ее мужем, а с землячкой поехали в село Юровцы на кладбище, где почитают кости моих любимых родителей.

Села, мимо которых мы проезжали, казались грустными и некрасивыми, не то, что раньше. Хаты не белые, окна забиты досками, не слышно никакого веселья. Люди нам чужие, да и сами себе и жизни тоже чужие.

Мы остановились в воротах кладбища. Я смотрел, но не хотел видеть, что тут похоронены люди, наши дорогие предки, которые своими слезами орошали эту землю. Могилы позарастали деревьями и диким бурьяном так, что пройти было невозможно. Памятники поперевернуты, кресты поломаны, трава не скошена уже лет десять. Корни деревьев обняли останки наших отцов и матерей, как мать свое любимое чадо, и поднимают их вверх. Сама природа старается показать свою любовь к тем людям, что тут давно жили и веселили этот край.

А тут кругом живут люди, которые считают себя культурными и религиозными, обращаются к богу и просят его о милости себе. Идут сеять в поле, снимают шапку, шепчут молитву, просят всевышнего благословения, счастья и достатка. Но ленятся пойти на кладбище, обкопать могилы, посадить цветы, поправить кресты или поставить новые, заменить тех людей, которые не по своей воле и без вины вынуждены были оставить родные дома и землю и под военным конвоем, как невольники были угнаны в чужую им страну.

Нашел я и могилу матери и подошел ближе. Нога провалилась в болото так, как бы сама природа захотела приблизить меня к останкам моей матери. Таких могил тысячи по нашей Лемковщине, и нет, наверное, даже дикой вороны, которая бы прокаркала над могилами наших предков и близких родичей...

Приехали мы к о. Иосифу Секержинскому, а там нас уже дождалось несколько человек. Отец Секержинский угостил нас. После чаю и перекуса и общей беседы мы решили выбраться на дорогу до Варшавы, чтобы приехать туда рано. Дорога предстояла долгая и незнакомая. Наш шофер выбрал дорогу через Кросно, Ясло, Ржешов, Радом и Кельце. Из Санюка до Варшавы около 450 американских миль, и нужно было поспешать, чтобы доехать до Варшавы, да еще и отдохнуть.

И.С. Глазунов 1930-2017

Мой дед Константин Флуг, действительный статский советник

Константин Карлович Флуг - отец моей матери - по образованию был горным инженером. Служа в Министерстве финансов, в течение многих лет участвовал в работе комиссии по приемке золота на Санкт-Петербургском Монетном дворе. Дослужился до чина действительного статского советника, награжден многими российскими орденами и тремя иностранными - св. Даниила от князя Черногорского, Льва и Солнца от персидского шаха и Кавалерским крестом Почетного легиона Франции.

Известно также, что он автор книги о внешнем виде главнейших типов русских золотых монет и других трудов по истории нумизматики. Не скрою, для меня было приятной неожиданностью узнать, что в недрах главной библиотеки страны сохранилась также и книга его стихотворений, которые донесли до меня настроенность его чистой и благородной души моего деда и напомнили мне по своему духу поэзию автора, известного нам под именем К. Р., и строй русских романсов...

Интересы деда захватывали и проблемы русской истории. В 1909 году им была издана книжка «Викинг и Русь». Концепция книги отражает борьбу лагерей норманистов и антинорманистов, хочется лишь, говоря о книге деда, подчеркнуть, насколько был широк круг интересов русских интеллигентов той поры...

В детстве я много слышал о нашем загородном доме на станции Дибунь недалеко от Куоккалы, где жил Илья Ефимович Репин. Тетя Ася каждый день ездила на поезде в Петербург в гимназию и часто в вагоне оказывалась вместе с Леонидом Андреевым, который, сидя напротив и, видя смущение гимназистки, любил подмигивать ей. Он был любимцем публики, очень красив и статен. Помнила она и Илью Ефимовича Репина, тоже спешащего в Петербург на поезде из Куоккалы. Многие иронизировали над тем, что многочисленные гости Репина и Нордман Северовой «разносили» все съестные припасы в буфете на станции в Куоккалу, потому что никто не мог есть санных котлеток, приготовлявшихся в доме Нордман Северовой. Имя Репина было окружено ореолом, и аура великой славы постоянно сопутствовала ему. Помнила моя тетя, как на Каменноостровском мосту, что идет от Марсова поля, Иоанн Кронштадский силой взгляда останавливал идущую с революционным лозунгом толпу. И толпа гасла. Великим подвижником и государственным деятелем был о. Иоанн, родившийся на далеком приволье русского Севера и ставший духовником русского царя. На его могиле была устроена свалка, и какое счастье, что ныне он причислен к лику святых и православная жизнь снова возродилась там, где царила мерзость запустения...

Мой дед Константин Карлович Флуг умер в 1920 году от голода в Петрограде. Однажды революционный солдат из симпатии к деду снял с него красивую шинель горного инженера и дал свою - рваную солдатскую. «Так тебя точно не приколшат», - сказал он. Потом как то на Невском деду стало плохо, и он присел на обочину панели. Какие то девочки, видя нищего старика в

В память о друге нашей газеты Илье Сергеевиче Глазунове

рваной шинели, положили рядом с ним копейку. Она хранилась у нас до войны. Его сын Кока - Константин Константинович Флуг, бывший белым офицером, чудом ушел на расвете через крышу дома, в котором собранные там пленные офицеры к утру должны были быть сожжены заживо. Это была семейная тайна. Впоследствии он стал ученым китаистом и работал с академиком Алексеевым. У дяди Коки были серьезные труды по китаистике. В предисловии к одному из них - «История китайской печатной книги Сунской эпохи X - XIII вв.», изданному Академией наук СССР (1959 г.), написано: «Научные интересы К. К. Флуга заключались в области изучения китайской книги не только как таковой, но главным образом как источника обширнейших сведений по самым разнообразным вопросам. Его научные изыскания в области китаеведения и идут в основном по этой линии. Он являлся китаеведом с исключительным знанием этих источников, блестяще владеющим китайским языком, прекрасным знатоком китайской рукописи.»

Имя К. К. Флуга в китаеведческой литературе хорошо известно. Им написано более 20 научных трудов...

Я помню его лицо - дяди Коки, когда он смотрел со мной в кинотеатре «Аре» на площади Льва Толстого фильм «Чапаев». В эпизоде, когда русские офицеры гордо, в полный рост шли в психическую атаку, а красные, лежа в канаве, косили их из пулемета, он не удержался и захлопал. На него все зашикали, а я долго не понимал, почему же он хлопал. Может быть, он сам был участником такой же атаки, когда белое воинство, ввергнутое в братоубийственную войну, шло под барабанный бой на верную смерть. Далее по фильму, когда ночью подбирались к спящему часовому, кто то из темного зала закричал: «Атас!» Это были мальчишки...

Брат дяди Коки, Валериан Константинович Флуг, был выслан из Петербурга вместе со своей женой Натальей и со всей семьей. Когда его старший сын был схвачен «за подготовку белогвардейского переворота и антисоветскую пропаганду» - у него при обыске обнаружили охотничий нож и старый штык, который мальчишка нашел на помойке, - средний сын пошел в Петроградское ЧК на Литейном и вступился за него, сказав, что он так же думает, как и его старший брат. Первому, по моему, было 16 лет, а второму - 15; он тоже получил срок. Самый младший их брат Александр был выслан позднее. Сам Валериан Константинович давно умер в ссылке. Тетя Наташа - тоже (девичья фамилия ее Звонарева).

Несколько лет назад приехал симпатичный молодой человек лет двадцати. «Я Ваш племянник - Илья Флуг. Мои родственники в Волгограде Вас недолюбливают, но я хотел бы просить Вас дать мне немного денег и помочь уехать за границу». Уходя, он сказал: «Я буду вам писать. Хорошо иметь такого дядю». Прискорбно, что он больше не появлялся, а адреса своего не оставил...

Мой дед генерал лейтенант Григорьев начал заниматься литературной деятельностью по совету своего шефа К. Р. - Константина Романова. Благодаря этому мы имеем сегодня записанные им свидетельства очевидца «страшных лет России».

17. 03.1921 года. При своем воцарении большевики обещали «свободу, мир и хлеб». Эти заманчивые слова и привлекли, на первых порах, на их сторону темную массу. Ни одного из своих обещаний они не выполнили, вместо свободы - беспримерный в истории гнет, невозможно разинуть рта, аресты, расстрелы; свобода передвижению совершенно отсутствует, в делах бесконечная волокита и хвосты, хвосты, хвосты!

Трамваи почти совершенно отсутствуют, а если ходят, то только по 4 5 линиям с 7.00 до 11.00 часов утра, и то постоянно останавливаются и рассчитывать на них, если надо приехать к сроку, невозможно. Не говоря уже о том, что попасть в трамвай - уже большое счастье.

Крестьян разбирают дочиста: хлеб, лошади, коровы и пр. остаются в очень ограниченном числе. За оставленную корову - налог молоком и маслом. Вообще грабеж в огромных размерах!

***

Мира нет. После Деникина, Юденича - поляки, Врангель, Махно, Антонов и пр. Хлеб в очень ограниченном количестве...

...Последние признаки культурной жизни в Петрограде исчезли! Дров нет. Стоимость сажени дров с доставкой доходит до 100 тыс.! Печи в комнатах всю зиму не топил. У нас в спальне, благодаря соседству кухни комиссара, температура держалась все время 9 7 градусов Р, а в комнатах сына и дочери - 7 5 градусов Р, и только благодаря тому, что в остальные две комнаты вселили заведующего ружейной мастерской (коммуниста), у которого есть дрова, и он топил часто свою большую комнату (быв. нашу гостиную), куда поставил железную печку...

Ватерклозеты не действуют. За чистой водой, а также для выноса мусора и испражнений надо спускаться на двор. Извозчиков нет. Почти полное отсутствие бань! Отсутствия лекарств, ткани, ниток, иглолок и т. д. Скажите, намного ли эта жизнь отличается от жизни человека пещерного периода?

Под влиянием голода, всех этих антикультурных условий современной жизни жители Петрограда впали в апатию. По улицам ходят (а не по тротуарам) как сонные мухи. Редко кто не тащит на плечах мешка или узла или сани с поклажей. Неудовольствие современной жизнью общее, в армии, среди курсантов, за исключением комиссаров и завязанных коммунистов (коих очень немного), довольного современным положением. Возмущение внутри России и у нас в Петрограде не прекращается. Но все это отдельными вспышками, без взаимной поддержки. А так как шпионаж, не в пример монархическому, организован отлично и жидам не жаль христианской крови, то все эти вспышки скоро прекращаются арестами и расстрелами... При этом жиды прибегают к мерам воистинно драконовским. За измену главы семьи арестуют жену и детей, до грудных включительно. Семья Козловского, начальника артиллерии в Кронштадте, арестована, а сын его, говорят, несовершеннолетний расстрелян! Можно удивляться, но нельзя не признать, что Троцкий, Зиновьев и К° люди гениальные в своем роде. Благодаря им большевики, вопреки утверждению Талейрана, не только «опираются», но и «сидят на штыках» уже четвертый год.

На Шпалерной по ночам очень часто происходили сцены, при расказе о которых у рассказчика на голове «волосы становились дыбом!» Приезжали на мотарах люди, вызывали по списку арестантов, раздевали до белья, связывали попарно и как дрова укладывали их в грузовики и увозили на Ириновский вокзал! Здесь укладывали их таким же порядком в вагон и везли в артилл. полигон, около ст. Ржевка. Чтобы не тратить патронов, а главным образом потому, что красноармейцы очень неохотно принимали участие в расстрелах, приговоренных просто убивали из револьверов! В числе любителей палачей отличалась одна женщина, фамилию которой, к сожалению, забыл!

Илья ГЛАЗУНОВ
 «Россия распятая»: Олимп; 2004